



Космонавт Алексей Леонов (Евгений Миронов) вышел на орбиту большого кино

Андрей Архангельский

Снимать патристическое кино про космос, в общем, выигрышная идея: даже линейное повествование — в формате «жизнь замечательных людей» — выглядит лучше, чем про очередную войну и смерть. Хотя мы должны понимать при этом, что каждый такой фильм в той или иной форме согласовывается с реальными героями, самими космонавтами (большинство из них в добром здравии) или их родственниками. Это неизбежная плата за современность в кино, пусть и относительную. Невозможно представить сегодня, чтобы какой-нибудь режиссер снял бы фильм о космонавтах с какой-нибудь собственной, небанальной идеей; необязательно с выходом в открытый космос и со всеми этими «свободно перемещающимися камерами, которые влетают через один фрагмент площадки в форме лепестка и выходят через противоположный», как написано в пресс-релизе. Возможно, имей такой режиссер полную независимость, он снял бы фильм не о самом полете, а о том, допустим, каково человеку потом, после всей славы и почестей, жить свадебным генералом. В этом было бы больше драматургии, конечно, чем в нынешней схеме, которая теоретически может повториться в следующих 120 фильмах о наших космонавтах.

Впрочем, сравнивать есть с чем: фильм «Гагарин. Первые в космосе» даже не все кинокритики видели ввиду ограниченного проката и совершенно незавидной прокатной судьбы; это надо постараться — чтобы первый фильм о первом космонавте Земли не оставил о себе никакой памяти. Но кое-что важное этот фильм сделал: он невольно задал строгий канон фильма о космонавтах. Например, камбэки о детстве, которые становятся уже про-

тору; встреча космонавта с женой (жены привычно тут напоминают истуканов, каждая их реплика заставляет внутренне содрогаться — от искусственности игры).

Этот канон очень сужает возможности режиссера и сценаристов, и каждый такой фильм грозит превратиться в ритуал, наподобие того, который принят у космонавтов перед стартом. Поэтому качество такого фильма зависит от способности авторов найти решение в рамках канона, в первую очередь, конечно, за счет таланта актеров. Евгений Миронов (Алексей Леонов) и Константин Хабенский (Павел Беляев) в главных ролях; этот ансамбль впервые на экране, и они честно пытаются оживить ритуал за счет собственных «черточек» — где-то это получается, а где-то, конечно, перебор; особенно когда Миронов начинает «шукшинить», то есть играть в своего любимого мужичка с хитрецей; образ удачный, но видеть все это в сто двадцатый раз немного неловко.

Первоначально режиссером фильма был Юрий Быков, который, по слухам, главный акцент делал на человеческом факторе; но на каком-то этапе было сочтено, что это не слишком увлекательно для массовой аудитории; поэтому акцент был сделан на спецэффектах и, что называется, на открытом космосе; эта перемена на ходу чувствуется. С другой стороны, авторы учли, конечно, печальный опыт «Гагарина» и попытались найти хотя бы какой-то человеческий конфликт — между космонавтами Леоновым и Беляевым. Он тут кажется натужным; ну какой между ними может быть «конфликт», если эти люди готовы вдвоем идти на смерть. Единственное, в чем удается авторам отойти от патристического шаблона, — показать Беляева скептиком, который понимает, что это его последний шанс попасть в космос (ему уже 40 лет), на контрасте с совершенно безоблачным оптимистом Леоновым.

Впрочем, конфликт тут все-таки есть, да еще и какой; возможно, он появился

# ГЕРОИ КОСНОСТИ

С 6 АПРЕЛЯ В ПРОКАТЕ ФИЛЬМ «ВРЕМЯ ПЕРВЫХ» ДМИТРИЯ КИСЕЛЕВА И ТИМУРА БЕКМАМБЕТОВА — О ПЕРВОМ ВЫХОДЕ ЧЕЛОВЕКА В ОТКРЫТЫЙ КОСМОС. ОБОЗРЕВАТЕЛЬ «ОГОНЬКА» ПРИЯТНО УДИВЛЕН ТЕМ, ЧТО АВТОРАМ ФИЛЬМА УДАЛОСЬ ЗА РЕВОМ ДВИГАТЕЛЕЙ НЕ ПОТЕРЯТЬ ЧЕЛОВЕКА

тал или люк закрылся неплотно, в конечном итоге все упирается в одну причину, а именно: полет, который планировался только в 1967 году, перенесли на 1965-й. Причина штурмовщины — подгоняет лично генсек Брежнев. «Идет холодная война» (в устах генерала Каманина это все звучит вполне в духе времени, железным голосом милитариста) — нужно опередить американцев. То есть подвергать совершенно неоправданному риску людей (в фильме есть эпизод, как убивает токком монтера, копавшегося в сплетении проводов), торопить технику, провалить учебный пуск, готовить первый в истории выход в открытый космос наспех — все это делается ради буквально «нескольких строчек в газете». Сам по себе факт убийственный.

Противником штурмовщины выступает главный конструктор Королев (Владимир Ильин). Вообще нужно сказать, что Сергей Королев в фильмах о космосе играет такую же особую роль, как и реальный Королев в истории ракетостроения. Королеву в нашем кино почему-то еще с 1970-х годов позволено то, чего не позволено почти никому. Ему позволено говорить правду. И про власть, и про штурмовщину, и про генсека («Звонит генеральный секретарь?.. Перезвонит»), и даже про репрессии, про собственный опыт в шарашке. «Я на этом тросе как... в кандалах», — объясняет ему Леонов во время тренировки. «Мы все в кандалах живем...» — отвечает ему Королев. Но не успеваешь этой смелости удивиться, как тот же Королев после паузы произносит: — ...А если снять эти кандалы... потеряли бы равновесие и разбились бы к чертовой матери! Вот такой мы народ».

То есть какая-то правда жизни тотчас же компенсируется натужной диалектикой рабства — «свобода хуже, чем несвобода». Ты живо представляешь себе автора сценария и даже сам сценарий, в котором, возможно, этой фразы и не было, но ее вписали позже, чтобы компенсиро-

ен на этой готовности — начиная с предполетного аврала и заканчивая инструкцией, которая гласила, что в случае непредвиденной ситуации с человеком в открытом космосе предполагалось буквально «захлопнуть дверь» и продолжить полет без него. Диктор Левитан (факт исторический) записывает накануне приземления космонавтов два разных варианта сообщения: «космонавты чувствуют себя хорошо» и «... что привело к гибели экипажа». В это время только что приземлившийся космонавт Леонов стоит на краю обрыва, в тайге — вокруг на сто километров ни души — и кричит, обращаясь к небесам: «Мы тут! Мы живы! Я живой!» (его никто не слышит и еще двое суток не услышит).

Это самая сильная сцена фильма (заметим — не в космосе, а на земле) — это, так сказать, Прометей бросает вызов богам, в данном случае всей госмашине (про ее нелепость космонавты шутят еще во время полета, между собой). Не то чтобы даже вызов, но выходит так, что космонавты представляют собой нечто живое в противовес бездушию и скрежету шарниров этой самой машины. И в данном случае человеческое все-таки побеждает.

Да и сама государственная машина тут, может быть, впервые к своему удивлению вынуждена считаться с людьми. И совсем уж крамольная мысль возникает; вдруг припоминаешь сцену из середины фильма, вполне стандартную, когда космонавты поднимаются на лифте в ракету, а внизу стоят генералы и чиновники, все эти бесчисленные надзирающие и старшие по званию, которые через минуту оказываются серо-зелеными точками на снегу. Космонавт — вдруг приходит тебе такая мысль в голову — это в СССР еще и гарантия относительной личной свободы и независимости, если, конечно, вернулся живым. Этот статус уже оберегает тебя до конца дней, что примерно и читается на лицах космонавтов: теперь вам меня не достать.

## Выходит так, что космонавты представляют собой нечто живое в противовес бездушию и скрежету шарниров этой самой госмашинны

клятьем, поскольку выглядят всегда одинаково: будущий космонавт вспоминает себя в пятилетнем возрасте, как, лежа в густой траве, он глядит на вечные звезды — и уже тогда закрадывается мысль, о том... как... Первый (или согий, опасный) полет на учебном самолете; мучительный выбор одного или двух космонавтов из целого отряда; дождь или снег, которые завывают, когда главный конструктор входит в ангар; звонок генерального секретаря генеральному конструктору,

вообще вопреки воле авторов; возможно, он был еще выпуклее в сценарии, но в итоговом варианте его слегка утопили. Но даже то, что осталось, заслуживает описания.

Этот полет, в отличие от гагаринского, сразу пошел «не так», на борту было семь нештатных ситуаций, едва ли не каждая из них могла закончиться фатально. Авторы не скрывают причин. То, что в полете постоянно что-то отказывает или ломается; то, что какой-то контакт не срабо-

вать слишком уж вызывающее сравнение советской жизни с кандалами. Подобные фразы, противоречащие всей предыдущей логике героев, довольно часто встречаются в нашем кино, и мы догадываемся, что вписывают их специально на тот случай, если кино посмотрит один-единственный, но самый важный зритель.

Но все равно конфликт между человеком и государством тут не скрывать. Государство всегда готово пожертвовать человеком ради идеи; сам его алгоритм постро-

Авторам фильма, несмотря на формат, все же удалось сказать кое-что свое, и это, конечно, делает фильм нерядовым событием. Они все-таки хотели понравиться не только начальству, но и сделать нечто нестыдное по универсальным меркам.

P.S. За то, что космонавт Беляев читает в перерывах между тренировками журнал «Огонек», отдельное спасибо авторам фильма от всей редакции. ■■